

Диалектика бытия и сущего: макрокосм и микрокосм.

Когда вечность отрелась от себя, чтобы проявиться в «формах времени», она, несомненно, не оставила эти формы беспомощными и предоставленными самим себе: она, должно быть, вошла в них, хотя и отрелась от них.

Дзен-буддизм.

Современной западная мысль усомнилась в искони присущем ей логоцентризме и поставила под вопрос культ разума, приоритет разума. Развитие неклассической философии как рефлексии «децентрированной субъективности» свидетельствует о глубинной потребности человека в ощущении онтологической связности с бытием, о предвосхищении существования сил и реальностей, неуловимых в категориях классической науки.

В работах Хайдеггера, Деррида, Фуко, Мерло-Понти просматриваются, на мой взгляд, черты, присущие мировоззрению и миропониманию русских космистов, в смысле признания ограниченности, не абсолютности человеческого разума в познании мира в его подлинности. Разум более не представляется чем-то само собой разумеющимся, происходит отказ от взгляда на человеческий ум как на неотчуждаемую, властную сущность. Познавая, или точнее говоря, конструируя окружающий мир, человек, зачастую попадает в иллюзию собственной автономности в бытии. Но если западная традиция только сейчас начинает ощущать тоску по незримым основам окружающей реальности и признавать деятельность неких «сакральных сил» языка (бытия), властвующих и направляющих человеческую мысль (Деррида), то в отечественной философской мысли, миропонимании, присущем космизму, выпадения из единства с природой, потери целостности не происходило.

В «Истоке художественного творения» М. Хайдеггер обращается к роли чувственного познания, не менее значимого, чем интеллектуальное: «возможно, все то, что мы сейчас именуем чувством или настроением, гораздо разумнее, то есть внятливее и притом более открыто бытию, чем всякий разум, который превратившись в *ratio*, претерпел свое лжеистолкование»¹ Авторитет сознания ставится под сомнение и у Деррида: «сознание есть эффект сил, сущность, направления и способы действия которых не являются его собственными»²

Во всех работах Хайдеггера единой нитью скользит вопрос о смысле бытия, о необходимости возобновления этого вопроса для человека живущего в бытии и являющегося частицей этой неведомой силы: «мы живем всегда уже с пониманием бытия. Тем не менее, смысл бытия остается для нас темным»³. В диалектике бытия и сущего, пронизывающей его философию, просматривается сходство с идеей динамики взаимодействия и взаимовлияния макрокосма и микрокосма, развиваемой космистами, в особенности религиозными (П. Флоренский, Н. Бердяев, В. Соловьев). Анализируя работы Хайдеггера, можно провести аналогию между вселенской силой макрокосма и потоком бытия, столь же нуждающемся для раскрытия запредельного творческого начала во временном, как и микрокосм (сущее) в поддержке того, чьим отражением он является, будь то Бог и человек или природа и общество.

¹ Хайдеггер М. Исток художественного творения //Работы и размышления разных лет. М., 1993, с.59.

² Деррида Жак Различение //Голос и феномен. СПб 1999, с.190

³ Время. Философия. Пространство (Школа философского перевода) Екатеринбург. 1996, с.8

В «Разговоре на проселочной дороге» Хайдеггер говорит о приближении бытия к человеку во временном времени: «присутствие отправилось к нам, идет к нам, обращаясь, настоящее означает: вхождение-в-пребывание-навстречу-к-нам, к нам-людям»⁴. Эта же мысль разворачивается в «Истоке художественного творения»: «бытие есть окликающийся зов, обращенный к человеку, и оно не обходится без человека»⁵ В разговоре о сущем, в поиске ответа на вопрос: «что оно есть?», мы, опираясь на опытные данные, на видимый и доступный нашему восприятию окружающий мир, выстраиваем предположения и схемы, но в попытке обратиться к бытию, мы оказываемся столь же беспомощны, как и в отношении к непредсказуемости природно-космической реальности. И все же, раскрываясь во времени и во временном сущем, бытие призывает научиться мыслить или по крайней мере попытаться достигнуть его мыслью. Бытие дарит человеку сущее, и когда человек не отрекается и не бежит от своей принадлежности бытию, бытие посылает себя человеку, наделяя его силой и устойчивостью, позволяя увидеть и испытать себя: «в раскрытии играет давание, которое в позволении присутствовать дает присутствие, то есть бытие»⁶.

Возможно ли для человека, существа ограниченного пространственно-временными пределами обитания постичь смысл бытия после вековой привычки мыслить бытие как сущее бытия, забывая о принципиальном отличии бытия от сущего, или языком Хайдеггера: «мыслить бытие, не принимая во внимание обоснование бытия сущим»⁷? Философия Хайдеггера, выстраиваемая вокруг понятий бытия и сущего, немислима без понимания категории времени. Познавая бытие через время, творение и мир, человек делает шаг в направлении смысла бытия. В силу своей телесной природы, он постигает только видимые и воплощенные в формах сущего отблески бытия, в которых лишь угадывается его непостижимое величие. Бытие становится «проницаемым» только при рассмотрении времени, поскольку для человека, как существа рожденного во времени, возможно познание лишь зримого сущего, доступного для сознания, воспринимающего мир дискретно, ухватывающего если не суть, то хотя бы частицу смысла бытия в просвете сплетения пространства и времени. «Бытие должно быть понято через время <...> Время должно быть высвечено и схвачено в свой подлинности как горизонт всякой понятности бытия и всякого его истолкования»⁸. Истинное, бытийное время нам неведомо, мы распоряжаемся только человеческим временем. Наше восприятие окружающего мира дискретно и воспринимаемые предметы материального мира кажутся расположенными в пространстве и времени, отделенными друг от друга, поэтому мы упускаем из виду, что окружающая жизнь движется единым потоком воплощения.

Понятие «бытие», в смысле «собственного бытия», оказывается столь же непостижимым в своей безмерности для ограниченного временем и пространством человеческого сознания, как постижение космических пространств. Только истинное понимание бытия как «собственно бытия», частично доступное на основании посыла, дает представление о времени. Через время и во времени становится возможным проявление, присутствие бытия в сущем. Бытие являясь во времени, через время, тем не менее, не временно, как не временно и «собственное время»: «Но между тем, как время постоянно проходит, оно все же остается временем. Оставаться означает не исчезать, а прибывать в

⁴ Хайдеггер М. Разговор на проселочной дороге. М., 1991, с. 89

⁵ Хайдеггер М. Исток художественного творения // Работы и размышления разных лет. М., 1993, 110

⁶ Хайдеггер М. Разговор на проселочной дороге. М., 1991, с. 83.

⁷ Время. Философия. Пространство (Школа философского перевода) Екатеринбург. 1996, с. 32.

⁸ Там же с. 21.

присутствие. Таким образом, время определяется через бытие⁹. Время в философии Хайдеггера величина столь же непостижимая, как и иные проявления бытия. Мысль о невозможности исчисления его истинной природы, с помощью искусственно установленных величин измерения, или вереницы секунд («теперь»), присутствует и в размышлениях К.Э.Циолковского «Мы говорим сейчас, теперь и имеем в виду время. Но нигде не найдем мы времени на часах, которое показывают нам время, ни на циферблате, ни на часовом механизме»¹⁰. Мышление современного человечества, захваченное привычкой не мыслить, но исчислять, исчисляет и время.

В устремлении к смыслу бытия, Хайдеггер ставит задачу переосмысления истории онтологии, в которой «традиция отнимает у Dasein самоуправляемость, вопрошание и свободу выбора. Традиция ввергает унаследованное само собой разумеющемуся и закрывает доступ к изначальным источникам»¹¹. Привычка мыслить определенным образом, начавшаяся с Декарта возвеличивает разум, поддерживаемое Кантом, Хайдеггер приводит к «упущению онтологии Dasein», принадлежности человека бытию, истоки которого проистекают из средневековой схоластики. Это проявляется в отношении к природному бытию и категориям пространства-времени. Религиозное линейное время, принятое в эпоху средневековья, приводит к отрыву от природы во имя постижения некой высшей реальности, но сама сущность человеческая не терпит искусственных изменений, вызывающих кризис и дисбаланс в восприятии и осознании внешнего, которое не менее близко человеку, чем его внутреннее, устремленное в высь божественного. Античное истолкование бытия сущего, проникнутое «миром» или «природой» в широком смысле, достигает понимания бытия именно через понимание времени: «само время берется как сущее среди других сущих и делаются попытки схватить время в структуре его бытия»¹². Ради познания бытия необходимо выйти за пределы привычного мироосмысления, с позиции, предзаданной Аристотелем и Кантом, осуществить деструкцию онтологической традиции. Для Хайдеггера мир раскрывается в феноменологической трактовке, как «себя-само-по-себе-показывающее» («формы созерцания») пространство и время, которые «могут показывать себя таким образом», для него «онтология возможна лишь как феноменология»¹³.

В философии Хайдеггера, при осмыслении диалектики бытия и сущего, можно проследить логику близкую методологии космизма, в рассмотрении истории не как сугубо социального явления, но как процесса, согласующегося с космическими веяниями и импульсами, некоего жизненно - энергийного потока, разворачивающегося вне пределов человеческого сознания. Для Хайдеггера история, это не фрагментарная история человеческих свершений, но единая история бытия, представленная эпохами судьбы бытия. Богатство изменений бытия раскрывается в истории бытия, но эта история не та, что у города или народа. Под эпохой он понимает не временной период в происходящем, а главную черту явления бытия – посыл, дарование себя и «непременное себя-удержание-от проявления <...> историческое же истории бытия определяет себя из ниспосылаемого в каждом посыле, а не из смутно представляемого события истории. История бытия означает ниспослание бытия»¹⁴. Как и в работах

⁹ Хайдеггер М. Разговор на проселочной дороге. М., 1991, с.82

¹⁰ Чижевский А. Неизданное. Библиография. Размышления. Развитие идей. М., 1998, с.113

¹¹ Время. Философия. Пространство (Школа философского перевода) Екатеринбург. 1996, с.23

¹² Там же с. 28.

¹³ Там же с.37

¹⁴ Хайдеггер М. Разговор на проселочной дороге. М., 1991, с.86.

космистов, в размышлениях Хайдеггера смысл истории как истории бытия находится за пределами понимания, поскольку разрыв связности мышления и бытия, ограничивает человеческое сознание: «не будучи случайной, последовательность эпох в судьбе бытия все же не позволяет рассчитать себя как необходимую»¹⁵

В работе «Исток художественного творения» бытие сущего предстает как творение, рождающее спор «мира» и «земли». В этих понятиях Хайдеггером раскрывается динамика видимого, необходимого для проявления и просветов бытия. «Мир» и «земля» – два разновекторных начала, в споре которых и вершится творение. «Мир», подобен духовному началу, дыханию бытия, «земля» как материальная основа, дает выход на свет тому, что находится в постоянном замыкании, укрывающему и прячущему себя, тому, «что ни к чему не испытывает напора»¹⁶. Сущностное отличие «мира» и «земли» поддерживает их взаимопроникновение, отвечая закону единства противоположностей, когда «спорящие начала» поднимают друг друга над собой в сущностном, глубинном споре, необходимом бытию для просветления и просвета: «творение, восставляя мир и составляя землю, ведет спор за несокрытость сущего, за истину»¹⁷. Здесь синонимом природы предстает земля, чья сдерживающая сила дает возможность безбрежному духу остановиться в зримой форме. Как и окружающая общество природная среда в мировоззрении космизма беззащитна перед научно-техническим прогрессом и нуждается в защите и бережном отношении, невозможном без внутреннего ощущения единства и мотива любви, так и у Хайдеггера земля может быть подвержена насилию со стороны человека, но при этом она, а не он остается выше и свободнее полезных, но временных достижений цивилизации. «Земля такова, что всякое стремление внедриться в нее разбивается о нее же самое. Земля такова, что всякую настойчивость исчисления она обращает в разрушение <...> Как бы ни кичилась разрушительная настойчивость видимостью своей власти, видимостью развития и прогресса в облике научно-технического опредмечивания природы, эти власть и господство навеки останутся бессильем желания»¹⁸, человек никогда не сможет предсказать или подчинить себе поток бытия.

Поиски «Пути к языку» М. Хайдеггера проливают свет на драму извечной неудовлетворенности и внутренней разорванности современного человека, потерявшего ощущение осмысленности жизни. Изнеженный техникой и успокоенный иллюзорным спокойствием бездумности, человек рискует за все предназначенное ему время не добраться до смысла собственного существования, как бы бытие не призывало к пробуждению осмысляющего мышления социальными и природными катаклизмами. Увлеченное вещными вариациями сущего человеческое сознание спасается бегством от бытия, зачарованное идеей собственной независимости и власти над окружающим проявленным, но в этом отказе признать собственную принадлежность бытию и независимость событий сущего от умозрительных схем, сколь бы ни были точны исчисления, рождается насилие над сущим, вещным миром, и тогда ставится «на карту само мышление, так что люди часто предпочитают отречься от мысли, вместо того, чтобы трудиться над мышлением, делая его все более мыслящим»¹⁹ и приближаться к бытию. В отрыве мышления от бытия, не воспитывая в себе

¹⁵ Там же, с.87

¹⁶ Хайдеггер М. Исток художественного творения //Работы и размышления разных лет. М., 1993, с.81

¹⁷ Там же с. 88.

¹⁸ Там же с.79.

¹⁹ Там же с.58.

осмысляющего мышления, человек устремляется на поиск определенного и определяемого заранее, что на самом деле является проявлением страха, возникающего из недоверия бытию, вне чувствования внутренней связности с бытием, дарующим сущее. Мы верим только тому, к чему можем непосредственно прикоснуться, считая, что реально лишь исчислимое «ибо только исчислимое заранее обеспечивает для представляющего достоверность»²⁰. Недоверие бытию и, как следствие, страх перед сущим проявляется в стремлении исчислить и предсказать, то есть подчинить. Но исчисляющее мышление ограничивает не столько сущее, сколько самого человека. Сущее неподчинимо уму, будучи проявлением бытия, неподвластного ни языку, ни человеку. По мнению Хайдеггера, человеческое мышление находится сейчас настолько во власти техники что «осмысляющее мышление уже не способно непосредственно подниматься и восходить рядом с исчисляющим мышлением, а то действительно, благодаря своим успехам и своей полезности околдовало дух времени, благодаря этому утверждаясь в своей «истине»»²¹. И хотя человек, еще не научившийся мыслить по-настоящему, творит науку не задумываясь о последствиях, которые может повлечь за собой то или иное открытие, Хайдеггер, говоря о власти, которую наука распространяет сейчас на всю землю и подчеркивая тот факт, что «наука не мыслит», считает это преимуществом, а не недостатком научного мышления: «именно благодаря тому, что наука не мыслит, она может утверждаться и прогрессировать в сфере своих исследований»²².

Итак, современный человек, ускользя от бытия, побуждающего к мышлению в бездумность, дающую иллюзию бесстрашия и независимости, теряет себя, выпадает из бытия, пытаясь подчинить сущее. Утратив постоянно нуждающееся в непрерывном возобновлении триединство мышления, бытия и сущего, забывает о вечном. Но без укоренения в бытии через доверие себе и другому невозможно понимание, невозможно осмысляющее, творящее мышление, не разрушающее землю и жизнь на ней. В отрыве мышления от бытия, самозакнутости, человек не ведает самого себя, поскольку в «каждой из замыкающихся вещей заключено неведение себя»²³.

Многие идеи космизма перекликаются с основными понятиями философских размышлений Хайдеггера: бытие-космос-мир, сущее-природа-земля. Сам стиль мышления, несмотря на сложности, возникающие при переводе с другого языка представляет мироощущение и мировоззрение близкое космическому по своей масштабности и глобализму. Кроме того, подчеркиваемая русскими космистами мысль о непостижимости природно-космического бытия и необходимости осознания бережного и ответственного отношения ко всему живому, противящемуся всякому ограничению и насилию, также находит близкие себе строки в работе западного мыслителя, обращающего внимание на захватническое изменение человеком окружающего мира: «метод - это способ, каким заранее ограничивается область подлежащих исследованию в своей предметности предметов... Метод – победоносный набросок миру: мир обязан поступить в полнейшее распоряжение человека»²⁴. Но насильственно и бездумно изменяя мир, человек забывает, что и сам он частица окружающего его сущего и изменяя мир, он изменяет себя.

²⁰ Хайдеггер М. Время картины мира // Работы и размышления разных лет. М., 1993, с.163.

²¹ Хайдеггер М. Записки из мастерской // Работы и размышления разных лет. М., 1993, с.226

²² Беседа с Хайдеггером // Разговор на проселочной дороге. М., 1991, с.150

²³ Хайдеггер М. Исток художественного творения // Работы и размышления разных лет. М., 1993, с. 80

²⁴ Хайдеггер М. Записки из мастерской // Работы и размышления разных лет. М., 1993, с.285